

# ЦИТАТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Лит. расс., Ленинград, 1984, 7 июня, ч. 23

**УЖЕ** немало написано произведений о великих поэтах прошлого. Дело это очень трудное. Иногда авторы ищут облегченных путей. Берут известные высказывания, крылатые слова, ходовые цитаты и раскавычивают их.

Технология тут такая. В пьесе о Лермонтове:

— А как вы, Михаил Юрьевич, смотрите на наше поколение?

— Печально я гляжу на наше поколение!

— А что так?

— Да ведь его грядущее, если разобратся, иль пусто, иль темно...

В пьесе о Гоголе:

— Николай Васильевич! Какими судьбами?

— Только что с Украины. Знаете, батенька, а что ни говори, — чуден Днепр при тихой погоде...

Маяковский — тот уж, конечно, будет радостно и непроизвольно выкрикивать, что и жизнь хороша, и жить хорошо, или же «волком выгрызает бюрократизм».

В наших примерах не так много преувеличения, как это может показаться. Цитатная драматургия имеет свои прочные традиции.

Появилась новая пьеса — «Вьюга» В. Раздольского. Она посвящена первым дням Октября. В центре пьесы — Александр Блок, его приход к революции, спор с Зинаидой Гippiус, которая становится белоэмигранткой.

Поведение Блока в пьесе строится по принципу: говорит, как пишет.

В своей статье «Интеллигенция и Революция» (1918) Блок, как известно, призывал слушать Революцию, ее «музыку». Этот призыв реализуется в пьесе буквально:

«Блок (прислушиваясь к завыванию вьюги). Скрипка... Теперь виолончель (в свисте ветра — отчетливая мелодия скрипичного дуэта). А вот барабаны».

Встретившись с анархистами, Блок сразу обращается к ним со стихами:

О ты, огневая стихия,  
Безумствуй, сжигая меня,  
Россия, Россия, Россия,  
Мессия грядущего дня!.. —

чем немало озадачивает анархистов. Их предводитель Лева Чикин не без некоторого основания спрашивает: «Я извиняюсь, об чем крик?»

«Где же твой дом?» — спрашивает Чикин поэта. «Мой дом?..» — и Блок тут же подбирает подходящую цитату:

Старый дом мой  
пронизан метелью,  
И остыл одинокий очаг...

Иногда Блок разговаривает скрытыми цитатами: «Покою нет, дома нет, все двери открыты на вьюжную площадь!»

Но, пожалуй, колоритнее всего спор поэта с соседом Аникеевым. Тот — обыватель, не верит в большевиков. Блок сначала с ним полемизирует, а потом опять переходит на стихи (из стихотворения «Скифы»). Вот эта незабываемая сцена:

«Аникеев (шепотом). Караул!

Блок (крепко держит его за воротник).

Мы широко по дебрям  
и лесам  
Перед Европою пригожей...

Аникеев. Не виноват! Клянусь, только с чужих слов...

Блок (трясет его).

Мы широко по дебрям  
и лесам  
Перед Европою пригожей  
Расступимся! Мы обернемся  
и вам  
Своею азиатской рожей!

Аникеев (заплетающимся языком). Bravo, брависсимо!..

Блок. Идите все, идите на Урал!..

Но вот кульминационный пункт пьесы — мать Блока сообщает ему, что их имение Шахматово разграблено. Ничего страшного! Блок и тут мгновенно подбирает соответствующую цитату и, глядя мать по плечам, цитирует с вариациями ту же свою статью «Интеллигенция и Революция» (Собрание сочинений Ал. Блока в восьми томах, Гослитиздат, М.—Л. 1962, т. VI, стр. 15): «Пустыни какие! Горят дворянские гнезда, и прекрасно! Триста лет там по конюшням пероли мужиков и насиловали девок. Не у этого барина, так у соседнего».

Однако, будучи, видимо, опытным драматургом, В. Раздольский понимает, что из одних цитат пьесу не построить — и высказывания Блока на литературные и общественно-политические темы надо добавить что-нибудь сценическое, развлекательное. А то какая же это пьеса.

И вот Блок, только что декламировавший самого себя, начинает изъясняться на каком-то странном полшутковском наречии, гаерничает и ерничает.

В пьесе «Вьюга» он, придя на дежурство по дому с опозданием, говорит: «Ах, миль пардон, мосье Аникеев! (Шутливо расшаркиваясь.) Давайте, давайте поскорее ваш самопал и отправляйтесь дрыхнуть около вашей...» Свою мысль ему не удастся закончить — его укоризненно перебивает строгая мать.

Вообще слово «дрыхнуть» — если верить В. Раздольскому — любимейшее словечко А. А. Блока. Засыпая на дежурстве, он бормочет: «Буржуи толстопузые дрыхнут, паразиты. А я тут посиживай...»

Дальше певец «Соловьиного сада» и вовсе расхочется, заявляя: «Научиться бы частушкам — и на эстраду. Или куплетистом вроде Ариадны (певица) — по кабакам... Лафа... (Слову ему нравится. С удовольствием повторяет на все лады.) Лафа... Ла-фа!»

А в сцене, когда Блок «трясет» соседа Аникеева, приговаривая стихами из «Скифов», он кричит (прозой): «Не дадите мира, революцию нашу, сволочи, погубите, — мы тогда скинемся азиатами, скифами».

«Скинемся скифами» — очевидно, так, по мнению В. Раздольского, должна выглядеть в переводе на драматургический язык стихотворение «Скифы».

Александр Блок — человек высшей интеллигентности, строгости, достоинства — в пьесе ведет себя так, что неожиданно вызывает в памяти речисто пошучивающего Ваньку из «Двенадцати».

«Вьюга» В. Раздольского рассылается по театрам Отделом распространения драматических произведений ВУОАП. Мудреное слово ВУОАП не должно никого пугать. Это всего-навсего Всесоюзное управление по охране авторских прав Союза писателей СССР.

Хочется напомнить: Блок тоже автор.

У него тоже есть права. Их тоже надо охранять.